

Сиреневый ветер семидесятых

В новой книге Кирилла Кобрин, эссеиста, прозаика, критика, собраны статьи и эссе, вышедшие до этого в разных «толстяках». Распльывчатое жанровое определение эссе не должно пугать — в книге нет ни филологическо-культурологических зауми, ни пространных текстов ни о чем. Тексты подтянута и дисциплинированы коротки, а также предельно конкретны. Кобрин пишет о неопытных, простых, но очень симпатичных вещах: о вобле — «морской мушкетер», без пива не имеющей собственной гастрономической ценности, об алкоголе, «лучшем друге» и «смажке сознания», о детстве в Горьком, поездка в центр которого для ребенка была загадочнее любого путешествия из книги Майн Рида, а автомобильный завод которого напомнил уже повзрослевшему ав-

тору Замок из романа Кафки... Какая, казалось бы, ценность, кроме пресловутого культурологического любопытства, узнать, что виниловые пластинки назывались на толкучке неформалов в Горьком «пласты», «пластмасса», «диск» или «дисочек», что фраза «на этом диске яичницу жарить» намекает на термальную поврежденность винила, а жанровое определение «смурь» обозначала джаз, а «тяжелет» — heavy metal? Ценность, впрочем, есть. Потому что любой, заставший тягучие 70-е или смутные 80-е прошлого века, видел «двор, украшенный монструозным тополем, детским садом и деревянной скамеечкой. В синее, словно лайнеры, сверкают иллюминаторами стамбульские линки». Потому что любому приходилось, думаю, «выйти из дома воскресным утром часов

в одиннадцать, пройти мимо кинематографических советских пенсионеров, покутающих «Правду» в газетном киоске, мимо посетителей ромочной, разглаживающих похмельные морщины утренней стопкой, мимо одинокого физкультурника в нитяных штанах с вытравленными коленями, мимо безмятежной выходной неги преле-тарского района...». Потому что многие, услышав первые рок-песни на русском, «мгновенно сообразили, что можем делать так же, пусть хуже, но так же, стена, отделяющая нас от T-Rex, Clash, Антониони и Сэлинджера, рухнула, и мы ок-зались на их стороне, на стороне деятелей, а не толпы», и сами собирали в 80-е собственные группы, сочиняли в подражание Майку, Бобу и Цою, наделась с помощью рок-музыки вырваться из беспроблемно-

го. Потому что все мы born in the USSR, терпкая ностальгия временами тянет туда back в воспоминаниях, хороших книг о том времени не найти днем с огнем, а от псевдоретро «Старых песен о главном» по госка-налу стыдно за весь белый свет...

Обо всех этих «семидеся-тых, пошитых из сиреневого вельвета, восьмидесятых, скроенных из ацетатного шелка по-пузайских оттенков» и пишет автор, «22 года проживший в позднем совете», не уподобляясь «патлатому ветерану в джинсе, а уподобляясь социальному, избравший скромное амплуа «легкомысленного историка, поверхностного каталогизатора позднесоветской культуры». Впрочем, не только об этом. Ибо во второй части книги «Кошмар истории» путеше-ствие по отечественным городам

Кобрин К.
Где-то в Европе:
проза нон-фикшн.
М.: Новое литературное обозрение,
2004. — 200 с. 1000 экз. (т)
ISBN 5-86793-322-9

и всям незаметно перетекает в путешествие по Европе, а в третьей части «Письма из Британии» — уже соответст-

венно «письма русского путеше-ственника».

В этой книге, представляющей собой аж двойное путеше-ствие (по пространству земли и памяти), сказано, что «перемещение по Европе выду-вает из тебя ошметки настоящего и благоприобретенного контекста — то есть того, что и есть индивидуальное. Движение — экзистенциально-ное, всеобщее, анонимное. Ано-нимное и есть счастье». Так и получается, ибо первая часть книги написана от первого лица, во второй — это некий он, путешественник, третья же часть — посмертные письма другого, друга автора. От этого отчуждения и остранения эта «проза нон-фикшн» становится грустнее и рефлексивнее, но быть уютной, ироничной и очень интеллигентной огнюль не перестает.

Книжная одаурение
11 октября 2004
Александр Чанцев
N 43 (2000)